ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 05.07.2018 | Максимилиан Майер

По ту сторону образа врага

Зачем Европе стратегическая переоценка отношений с Китаем

Читайте также эту статью на немецком языке

Мы становимся свидетелями изменений в отношениях между Китаем и Европой. Если до сих пор они прочно основывались на весьма успешных экономических операциях, то отныне превратились в источник обострения конфликта интересов. Промышленная политика Китая, похоже, становится угрозой для экономики Германии. Соревнование между системами переживает период возрождения. Изменившиеся экономические и идеологические рамочные условия требуют от Европы стратегического мышления. И поскольку угроза конфликта исходит прежде всего из экономической политики, ее следовало бы дополнить второй составляющей – общими интересами в сфере безопасности и развития.

Обеспокоенность вызывает комфортное состояние Германии перед лицом тектонических сдвигов, ускорение которым придает трансатлантический дрейф, разворачивающаяся торговая война, а также евразийская интеграция под руководством Китая. На этом фоне становится очевидной необходимость переоценки отношений между ЕС и Китаем. И хотя председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер и президент Франции Эммануэль Макрон уже предприняли первые попытки поиска нового вектора движения, при этом ни «Глобальная стратегия» Комиссии ЕС от 2016 года, ни главы европейских государств не сформулировали краткого и точного ответа на вопрос, какую роль должен играть Китай для ЕС вне рамок внешнеэкономической политики.

Столь необходимая дискуссия о стратегических приоритетах отсутствует. Средства массовой информации и политики застыли в режиме реакции на кризис и без конца предаются самолюбованию, например, в полемике по вопросу беженцев и миграции. Но можно ли смягчить «причины бегства» без привлечения к решению этой проблемы столь мощной с точки зрения инвестиций и

инфраструктуры державы, коей является Китай?

Руководствуясь долгосрочной стратегической дальновидностью, следовало бы принять во внимание возможность стагнации еврозоны и продолжения благоприятной конъюнктуры в Восточной Азии еще на десяток лет. Если инициатива по воссозданию Шелкового пути увенчается хотя бы частичным успехом, Китай станет ключевым игроком не только на всем евразийском пространстве, включая Восточную Африку, но и свяжет более тесными узами Индийский океан с Латинской Америкой. Вместо рефлекторного приписывания Китаю гегемонистских устремлений нужно было бы воспользоваться огромным потенциалом социальной стабилизации и экономической трансформации регионов, соседствующих с ЕС. Такое понимание отношений между Китаем и Европой на фоне столь примечательных событий является непреложной предпосылкой обретения перспективы, которая позволила бы постичь собственные варианты развития и интересы в контексте постатлантической мировой политики.

Однако у Германии и ЕС есть проблемы с таким восприятием. С одной стороны, следуя культурному стереотипу, на Китай опрометчиво смотрят как на угрозу вместо озвучивания разделяемых обеими сторонами политических интересов в условиях многополюсного мира. Вопреки всем предостережениям немецких обозревателей Китай еще далек от обретения мирового господства. С другой стороны, упускается из виду обретение четких контуров Евразией, ставшее одним из исторически крупных событий наших дней. И то, и другое влечет за собой постановку фундаментальных вопросов относительно европейской ориентации в мировой политике. Пренебрежительное отношение к ним может привести к существенным потерям на политическом, общественном и экономическом уровне.

Для расстановки наблюдающихся тенденций и изменений нужны аналитические механизмы в виде геополитики и геоэкономики. В результате экономического подъема Восточной Азии геоэкономика стала главным полем битвы за влияние в наши дни. Соперничество вокруг строительства трансграничных железнодорожных, автомобильных магистралей и компьютерных сетей, а также конкуренция за региональные соглашения в сфере торговли и инвестиций усилились. На кону стоит дальнейшее тесное переплетение трех глобальных экономических блоков в условиях глобализации мировой экономической системы. Президент Трамп угрожает экономической изоляцией, направленной против Китая и ЕС. После того как два больших соглашения о свободной торговле в

атлантическом и тихоокеанском регионе (ТТИП и ТТП) потерпели неудачу из-за позиции администрации Трампа, доверие между Северной Америкой и Европой упало до исторически рекордного низкого уровня. Между тем Китай пытается перетянуть европейцев на свою сторону в торговой войне. Европейская промышленность в свою очередь кивает на недобросовестное дотирование отечественных отраслей производства в Китае.

Отрицание подхода Китая к развитию на принципах государственного центризма проявляется и в том, что ЕС хочет осуществить инвестиционный скрининг и планирует еще ряд инструментов, чтобы защитить себя от покупки европейских фирм за счет государственных субвенций. Европейская комиссия при поддержке Федерального правительства Германии в принципе следует тем самым примеру США. Она желает пристально проанализировать инвестиции сквозь призму стратегии и политики безопасности и в случае необходимости заручиться возможностью их пресечения.

Но при взвешенном рассмотрении положения вещей приходится констатировать, что до сих пор, вне всякого сомнения, национальная экономика Германии принадлежит к числу стран, извлекших наибольшую выгоду от растущей открытости Китая. И даже регуляторные притеснения, а также произвольно устанавливаемые рыночные барьеры, которые ощущают на себе иностранные предприятия, не опровергают справедливость такого утверждения. Правительство Китая в соответствии с распространенным мнением в Берлине и Брюсселе хотя и обещает улучшение доступа к рынку, но на самом деле важные его секторы остаются недоступными из-за многочисленных прямых и косвенных препятствий. Процедуры размещения больших заказов непрозрачны, и партия обеспечивает себе увеличение своего прямого экономического влияния.

В такой атмосфере неминуемо ярко проявляются нормативные противоречия. Китай и Европу разделяет огромная дистанция не только в оценке моделей экономического развития, но и систем ценностей. Так, Федеральному правительству Германии все труднее дается зондаж регуляторного поля в Китае, особенно если речь идет о выработке общего подхода в поле напряжения между такими полюсами, как ордолиберализм и неомеркантилизм, верховенство права и правовой прагматизм, краткосрочные быстрые действия и долгосрочный подход к планированию, государственный контроль на основе цифровых технологий и право граждан на частную жизнь и защиту персональных данных.

В уставе партии, измененном в октябре 2017 года, четко заявлено стремление к наращиванию мягкой силы

Идеологическое обострение подхлестывается китайскими политиками, предпринимателями и экспертами, излучающими веру в собственные силы и заменяющими западную прерогативу толкования китайской. Промышленная политика Китая не только системно нацелена на достижение лидерских позиций в сфере технологий. Многие уже видят свою страну в качестве экспортера идеологии, способного предложить более качественные структурно-политические подходы и модели развития всему Югу. Диапазон предложений простирается от концепций градостроительства и особых экономических зон до «общественного менеджмента» посредством инфраструктурных систем, управляемых цифровыми технологиями или искусственным интеллектом. В уставе партии, измененном в октябре 2017 года, четко заявлено стремление к наращиванию мягкой силы. Это достигается и непрозрачными заграничными сетями Коммунистической партии, деятельность которых стала недавно предметом критики в Новой Зеландии и Австралии.

В соответствии с этим Ведомство федерального канцлера смотрит на Китай неоднозначно. С одной стороны, Федеральный канцлер Ангела Меркель обсуждает с китайским президентом Цзи вопросы изменения климата и пытается скоординировать политику в целях развития в Африке. С другой стороны, немецкие политики сетуют на осложнение доступа немецких фирм к китайскому рынку, в то время как китайские инвесторы в Европе пользуются полной свободой действий. Потери от трений все отчетливее проявляются как раз в случае с образцовым китайским проектом. Посол Клаусс с непривычной прямотой заявил, что в случае с инициативой по построению нового Шелкового пути речь идет о сино-центристской кампании – «процессе глобализации с китайскими чертами» – которой прежде всего не хватает равноправия ее партнеров-участников. Проектов, которые могут быть реализованы совместно под эгидой Шелкового пути, нет. Еще и потому, что европейские фирмы непреложно верят в логику ордолиберальной экономической политики. Тем самым нет и ясности относительно того, как им следует действовать в контексте широкомасштабной

неомеркантилистской стратегии.

Беспокоит и то, что, похоже, возвращается и риторика времен холодной войны. Заклинания от «желтой угрозы» празднуют свое возрождение в США и отчасти в ЕС.

Влияние Китая в Центральной и Юго-Восточной Европе также не может не вызывать чувство тревоги. Высказываются предположения, что Китай неприкрыто стремится к монетизации своих миллиардных инвестиций в сотрясаемые кризисом южные страны, а также обещанных кредитов в размере трех миллиардов на развитие инфраструктуры и политическое влияние, чтобы разделить ЕС в вопросах внешней и экономической политики. ЕС и вправду не представляет собой больше сплоченный блок, если речь идет о принятии решений, касающихся Китая.

Существует ли возможность преодоления ожидаемого напряжения? Общение на повышенных тонах и взаимные огульные подозрения только подрывают продуктивный обмен мнениями. Тревожит и то, что, похоже, возвращается и риторика времен холодной войны. Заклинания от «желтой угрозы» празднуют свое возрождение в США и отчасти в ЕС. Тем самым искаженные представления и чувство превосходства отрицательно влияют на принятие центральных политических решений, задающих вектор развития.

Ясно одно. Если экономические отношения в растущей степени порождают конфликты, Европе и Китаю больше, чем когда-либо, нужно попытаться избежать порочного круга «зацикленности на безопасности». Если принимать всерьез сигнал тревоги Федеральной службы разведки относительно Китая, то нужны умелые и всеобъемлющие ответные меры. Во избежание безальтернативного взаимного восприятия в качестве фактора угрозы напрашивается применение двойной стратегии. С одной стороны, Комиссии ЕС следует более стратегически и одновременно спокойнее реагировать на влияние Китая в странах, ставших недавно членами ЕС, – в сравнении с Россией, Турцией и Саудовской Аравией Китай в Юго-Восточной Европе еще не стал действительно геополитической величиной. С другой стороны, ввиду кризисной общей ситуации не стоит объявлять всю инвестиционную и внешнеэкономическую политику вопросом национальной безопасности. Вместо этого стоит поставить на обсуждение с Китаем существующие интересы в сфере безопасности и развития, в частности в Северной Африке, Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Китай следует воспринимать как партнера в вопросах безопасности и стабилизации. Речь министра иностранных дел ЕС Федерики Могерини, произнесенная в Пекине в апреле 2017 года, как раз указывает путь в этом направлении. Почему бы не прозондировать возможность разработки конкретного подхода к стабилизации в Афганистане? Как могут сотрудничать между собой ЕС и Китай при восстановлении Сирии? Точно так же можно было бы представить себе и более тесную координацию в Ливии или Сомали, а также во всем юго-восточном Средиземноморье. Тем самым Китай медленно и в определенном объеме мог бы вырасти в партнера по европейской безопасности, невзирая на обострение торговой и промышленной конкуренции. Стратегические отношения, зиждущиеся на двух столбах, были бы в любом случае более стабильными. А отворачиваться от Китая и накликать своей риторикой новую холодную войну – не очень хорошая альтернатива.

Максимилиан Майер
Шанхай

Д-р Максимилиан Майер (Maximilian Mayer) – ученый Центра немецких исследований университета Тунцзи в Шанхае. Основной сферой его научных исследований является наука, техника и инновации, а также внешняя, энергетическая и экологическая политика Китая.